

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.144.140>

БУЛЛИНГ В КОНТЕКСТЕ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

Научная статья

Байгазанова Р.Т.^{1,*}

¹ ORCID : 0009-0001-2321-3362;

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (roza.baygazanova[at]gmail.com)

Аннотация

Статья посвящена исследованию буллинга как социоречевого проявления травли, сопровождавшего человечество на всех этапах его развития и получившего новый масштаб с приходом интернета, что актуализировало проблему кибербуллинга в современном обществе. Внимание к буллингу как коммуникативному феномену объясняется его значительным влиянием на социальную динамику, психологическое состояние жертв и общее благополучие общества в эпоху цифровых технологий. Кибербуллинг существенно расширяет границы традиционного понимания межличностных конфликтов, требуя новых подходов к исследованию коммуникаций и разработке мер противодействия и профилактики.

Исследование буллинга в контексте коммуникативных процессов подчеркивает важность его междисциплинарного анализа, охватывающего этические, моральные, социальные и культурные аспекты, а также вопросы идентичности и индивидуальности. Буллинг, рассматриваемый как коммуникационное действие, отражает специфику взаимодействия между людьми и особенности виртуального пространства, где взаимодействие происходит не только между людьми, но и с алгоритмами и удаленными редакциями. Это требует разработки инструментов для анализа этих процессов и выявления скрытых механизмов буллинга, а также способов его предотвращения.

В статье подчеркивается роль социальных и культурных факторов в возникновении и развитии ситуаций буллинга, а также связь буллинга с вопросами идентичности, самооценки и личностного развития. Междисциплинарный подход позволяет глубже понять социальные контексты буллинга и в будущем разработать эффективные стратегии для создания здоровой и безопасной коммуникативной среды.

Целью работы является оценка влияния накопленного исследовательского опыта на понимание буллинга как коммуникативного явления и на формирование стратегий профилактики и противодействия. Ожидаемые результаты включают разработку комплексного понимания буллинга и выявление его ключевых характеристик, что позволит формулировать предложения по созданию эффективных мер противодействия.

Ключевые слова: буллинг, кибербуллинг, агрессия, конфликт, бизнес-буллинг.

BULLYING IN THE CONTEXT OF COMMUNICATIVE PROCESSES

Research article

Baigazanova R.T.^{1,*}

¹ ORCID : 0009-0001-2321-3362;

¹ St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

* Corresponding author (roza.baygazanova[at]gmail.com)

Abstract

The article is dedicated to the study of bullying as a socio-verbal manifestation of harassment, which accompanied mankind at all stages of its development and gained a new scale with the advent of the Internet, which actualized the problem of cyberbullying in modern society. Attention to bullying as a communicative phenomenon is explained by its significant impact on social dynamics, the psychological state of victims and the general well-being of society in the digital age. Cyberbullying significantly expands the boundaries of the traditional understanding of interpersonal conflicts, requiring new approaches to the study of communication and the development of countermeasures and prevention.

The study of bullying in the context of communicative processes emphasizes the importance of its interdisciplinary analysis, covering ethical, moral, social and cultural aspects, as well as issues of identity and individuality. Bullying, seen as a communicative action, reflects the specificity of interaction between people and the characteristics of virtual space, where interaction takes place not only between people, but also with algorithms and remote editors. This requires the development of tools to analyse these processes and identify hidden mechanisms of bullying, as well as ways to prevent it.

The article highlights the role of social and cultural factors in the emergence and development of bullying situations, as well as the link between bullying and issues of identity, self-esteem and personal development. The interdisciplinary approach allows for a deeper understanding of the social contexts of bullying and the future development of effective strategies for creating healthy and safe communication environments.

The aim of the work is to evaluate the impact of the accumulated research experience on the understanding of bullying as a communicative phenomenon and on the formation of prevention and countermeasures strategies. The expected results include the development of a comprehensive understanding of bullying and the identification of its key characteristics, which will allow formulating proposals for the creation of effective countermeasures.

Keywords: bullying, cyberbullying, aggression, conflict, business bullying.

Введение

Буллинг как социоречевое проявление травли сопровождал человечество на всех этапах развития цивилизации, с приходом интернета явление масштабировалось, проблема кибербуллинга вошла в актуальную информационную повестку современного общества.

Изучение буллинга как коммуникативного феномена актуально из-за его влияния на социальную динамику развития общества, психологическое состояние жертв и общее благополучие в эпоху цифровых технологий. Кибербуллинг значительно расширяет границы традиционного понимания межличностных конфликтов, требуя новых подходов к исследованию коммуникаций, а также разработки мер противодействия и профилактики. Междисциплинарный характер таких исследований помогает лучше понять механизмы распространения и последствий буллинга, формировать эффективные стратегии для создания здоровой и безопасной коммуникативной среды, тем более, что виртуальное интернет-пространство становится все более реальным, заставляя меняться мировоззрение человека, это, в свою очередь, требует глубокого осмысления.

Актуальность изучения буллинга в контексте коммуникативных процессов обусловлена несколькими составляющими, которые подчеркивают важность подобных работ: междисциплинарный характер буллинга, его этические и моральные аспекты, социальные и культурные контексты, вопросы идентичности и индивидуальности.

Буллинг – действие коммуникационное, отражающее специфику взаимодействия между людьми, а с учетом виртуального пространства, когда человек может общаться с удаленной редакцией, с алгоритмами, уместнее говорить о взаимодействиях между коммуникантами и выделять инструменты для анализа этих процессов, выявляя скрытые механизмы буллинга и способы его предотвращения. Различные социальные и культурные факторы играют ключевую роль в возникновении и развитии ситуаций буллинга. Буллинг также связан с вопросами идентичности, самооценки и личностного развития. Мультидисциплинарный анализ способствует пониманию различных социальных контекстов.

Объект исследования – буллинг как социальное явление в контексте коммуникативных процессов. Предметом на данном этапе исследования определены междисциплинарные идеи и концепции, влияющие на изучение буллинга.

Цель работы – оценить влияние накопленного исследовательского опыта на понимание и осмысление буллинга как коммуникативного явления, на формирование стратегий профилактики и противодействия.

Ожидаемые результаты – разработка комплексного понимания буллинга как коммуникативного феномена, выявление его ключевых характеристик.

История изучения буллинга в гуманитарных и социальных науках

Явление травли, буллинга, сопровождает человечество на всех этапах цивилизационного развития с тех пор, как определились статусы в иерархии межличностных и внутригрупповых отношений: верхний/нижний уровень или старший/младший, как процессы управления человека человеком стали четко вырисовываться и осознаваться, а для достижения собственных целей человек стал намеренно наносить другому человеку вред или дискомфорт.

Системное исследование ситуаций буллинга началось сравнительно недавно. Прежде всего объектом научных исследований стал школьный буллинг. Это вполне понятно: урон, нанесенный им, был по-настоящему велик. Резко возросло число суицидальных случаев на почве травли в детских коллективах, выросла агрессия, на этом фоне снижалась успеваемость, обострились эмоциональные и психологические проблемы в среде учащихся.

Этимология слова «буллинг» связана с английским «bully» – «хулиган» и первоначально термин использовался в зарубежной практике для обозначения детей с проблемами в воспитании и девиантных подростков с поведением, имеющим ряд отклонений от общепринятых социальных норм.

В 1993 году вышла книга норвежского психолога Д. Ольвеуса «Буллинг в школе: что мы знаем, и что мы можем сделать», где он сформулировал ставшее классическим определение: «Буллинг (в среде детей и подростков) – это *преднамеренное систематически повторяющееся агрессивное поведение, включающее неравенство социальной власти или физической силы*» [4, С.149]. В этом определении были выделены важнейшие признаки явления: преднамеренность (осознанность), систематичность и агрессивность, которые строятся на противопоставлении «сильный» - «слабый» и позволяют говорить о буллинге как об особом феномене современной коммуникативной среды.

До сих пор наблюдаются некоторые ограничения в подходах к изучению буллинга: как правило, исследователи сосредотачиваются на детском/школьном буллинге, а потому выделенные черты характерны для буллинга в относительно закрытых группах.

Изучая влияние эмоционального интеллекта на развитие ситуаций буллинга среди учеников начальной школы в Австралии, E. Vinnett останавливается на определении травли как *повторного намеренного* или произвольного *причинения вреда лицам с меньшей силой*, в основном проявляющегося через физические, психологические, социальные или эмоциональные взрывы [29].

Значительная часть эмпирических исследований посвящены характеристикам жертвы и агрессора, эмоциональным последствиям травли для жертвы, влиянию семейных отношений [1], [3], [13]. Особой группой можно выделить исследования, посвященные анализу распространенности буллинга, его статистическим оценкам, возрастным и гендерным особенностям [40]. Продолжаются попытки классификации проявлений буллинга. Традиционное разделение на скрытый и прямой буллинг чаще всего связывают с гендерными характеристиками травли, отмечая, что девочки склонны к скрытым проявлениям агрессии (игнорирование, бойкот, манипуляции, распускание слухов), мальчики – к открытым формам (в первую очередь, физическая агрессия) [47].

Буллинг рассматривается в основном как процесс, развивающийся в любом закрытом сообществе (армейское подразделение, элитный колледж, рабочий коллектив).

Авторы коллективной монографии «Буллинг и харрасмент на рабочем месте» приводят примеры, подтверждающие распространенность издевательств на рабочем месте: «В 2018 году британская газета The Guardian сообщила, что владелец британского бизнес-магната Topshop сэр Филипп Грин предоставил сотрудникам семизначные

секретные выплаты для урегулирования исков об издевательствах и домогательствах (Guardian, 26 октября 2018 года). Аналогичным образом, Daily Mirror, еще одна крупная британская газета, написала, что Министерство обороны Великобритании (MOD) выплатило солдатам в общей сложности 709 000 фунтов стерлингов за издевательства (Daily Mirror, 12 апреля 2015 г.), в то время как Australian Mail Online 25 октября 2016 года сообщила, что сотрудница Агентства правительства Нового Южного Уэльса получила выплату в размере одного миллиона австралийских долларов за издевательства со стороны ее боссов... Когда Герд Лив Валла, бывший лидер Норвежской конфедерации профсоюзов, ушла в отставку со своей должности в результате обвинения в издевательствах, профсоюз якобы потратил около 2 миллионов долларов США на расходы, связанные с адвокатами, расследованиями и т. д. В дополнение к личной трагедии, которую это представляло для самой Валлы, организационные и экономические издержки «дела» были огромными, учитывая внутренние потрясения и внимание средств массовой информации, которые последовали за этим делом, и ее отставку» [34, С. 209]. Здесь важно отметить, что авторы монографии не только выявляют психологические и социальные последствия буллинга на рабочем месте, но и выделяют роли посредников: в структуре буллинг-ситуации появляются профсоюзы, добивающиеся выплат моральной компенсации и стремящиеся защитить жертву буллинга, и СМИ, сообщающие о фактах буллинга и подогревающие интерес к теме.

Как отмечают корейские исследователи, особенности работы западных правозащитных организаций, НПО, правительственных структур и традиции обращения за правовой защитой оказывают влияние на степень защищенности от буллинга на рабочем месте. Так в рамках эмпирического исследования ученые изучили случаи буллинга на рабочем месте по отношению к 72 внешним корейским информаторам, которые раскрыли те или иные правонарушения на рабочем месте средствами массовой информации или властям за пределами организации и выяснили: как руководство компаний, так и коллеги могут совершать издевательства на рабочем месте, которые считаются направленными на внешних осведомителей [41]. Статистический анализ собеседований с информаторами показал, что травля со стороны руководства способствует буллингу со стороны коллег, провоцируя их или разрешая мстить информаторам. Понимание коллегами причин действий осведомителя снижает частоту издевательства, в то время как поддержка правительства и НПО не имеет подобного эффекта, так как они не могут защитить осведомителей от травли. Исследователи отмечают, что в других странах защита осведомителей существует, и рекомендуют правительству Кореи разработать аналогичные стратегии.

В западной правовой традиции НПО лоббируют усиление законов о защите информаторов, что увеличивает ответственность работодателя за издевательства. В Норвегии успешно функционирует институт информирования благодаря правовым положениям, защищающим осведомителей от возмездия и всех сотрудников от домогательств (Закон о рабочей среде 2012 года). Это теоретически защищает осведомителей и побуждает работодателей избегать создания враждебной рабочей среды.

Исследования буллинга на рабочем месте также поднимают вопросы ответственности работодателя и работника, этические аспекты агрессивного поведения и вопросы личной безопасности.

Коммуникативные аспекты буллинга

Как видим, при рассмотрении ситуаций буллинга, независимо от социально-культурного контекста, ученые выделяют отдельные аспекты буллинга, подробно описывая детали кейса, приводя статистические данные, пытаются разобраться, кто, по отношению, к кому, проявляет буллинг, в каких условиях, как ведут себя участники буллинга. Широкий пласт исследований посвящены буллингу в сети. С проникновением виртуальной реальности в повседневную жизнь в ситуациях буллинга значительную часть занимает вербальная коммуникация. А с появлением доступного интернета инициаторы буллинга от e-mail рассылок и смс перешли к созданию форумов, каналов и даже интернет-платформ. Кибербуллинг считается самым опасным видом киберагрессии: наносит психический, эмоциональный, физический вред. На первое место выходят вопросы правовой ответственности буллера. В Новой Зеландии с 2013 года за факты доказанного буллинга лишают свободы, Германия признает кибербуллинг деликтом – проступком, который наказывается лишением свободы на 10 лет, в отдельных американских штатах ограничивается активность кибербуллинга [7], [8], [20], Япония с 2022 года опирается на уголовную статью за онлайн-оскорбления. Соответственно возникает необходимость доказывать факт киберпреступления, поэтому в последнее время тема буллинга, вербальной агрессии, стала объектом исследования для отечественных ученых, стали появляться работы, посвященные социальному и коммуникативному контексту буллинга. Актуальность этих исследований определена массовым переходом коммуникации в виртуальное пространство, его безграничными возможностями, умноженными на доступность и технологичные алгоритмы. Коммуникативные и медиалингвистические особенности кибербуллинга изучаются в работах по юрислингвистике [18], [23], [24]. Комментарии и публикации в сети становятся предметом судебных разбирательств и юридической ответственности. В Российской Федерации пока нет специфических законов, регулирующих кибербуллинг, но действия интернет-агрессоров могут привести к административной ответственности по соответствующим статьям Кодекса об административных правонарушениях, включая оскорбления и клевету. Буллинг с точки зрения правовой и криминологической оценки становится объектом исследований [14].

Дополнительно возникают проблемы обработки больших баз данных, своевременного выявления киберагрессии. Исследования, связанные с лингвистическим анализом медиатекста, набирают обороты в области обучения искусственного интеллекта обнаружению оскорбительной речи в социальных сетях. Использование сленга, оскорбительной, вульгарной и нецензурной лексики, как правило, запрещено политикой социальных сетей. Но нехватка ресурсов и отсутствие механизмов автоматического обнаружения потенциальных буллинг-стратегий в сети, позволяет развиваться кибербуллингу и приобретать новые формы [39], [43].

Классифицируя уничижительный контент поста в социальных сетях, где сообщения часто включают изображения, фотографии, мемы вместе с текстовыми замечаниями и комментариями по отношению к медийным личностям, группа индийских ученых предложила мультимодальную структуру глубокого машинного обучения, использующего совокупность методов компьютерного зрения и обработки естественного языка для обучения нейросети анализу

многоязычного текста, а также распознаванию лиц и модели оптического распознавания символов для понимания мемов [28].

С точки зрения изучения механизмов кибербуллинга исследования в области функционирования искусственного интеллекта необходимы для глубокого изучения буллинг-стратегий, реализованных с использованием обучаемых алгоритмов (ботофермы, роботизированные системы по созданию медиатекстов). Там, где подключаются алгоритмы, матрицы и схемы, требуются четкие и понятные определения, классификаторы и модели.

В сети появлялась информация о том, что в МГТУ имени Баумана разработали и запатентовали специальную программу для отслеживания травли в социальных сетях, программа работает на основе обученного алгоритма, который может вычленять ключевые слова и находить новости о буллинге и разжигании розни [31].

В работах зарубежных авторов изучаются репутационные риски лиц, пострадавших от распространения материалов интимного характера [32], [35], [38], [42], [45], в этом аспекте порноместь, понимается как онлайн-форма насилия, как разновидность кибербуллинга. При этом лингвистическая экспертиза продолжает сталкиваться с проблемой оценки материалов, как дискурсивная практика и как социальный феномен порноместь остается малоизученной, этот момент обращает на себя внимание в работах ученых, анализирующих западную судебную практику.

История изучения буллинга демонстрирует, что данное явление рассматривалось в рамках множества дисциплин, включая психологию, педагогику, социологию, криминологию. Это подчеркивает сложность и многоаспектность буллинга как социального феномена и необходимость реализации мультидисциплинарного подхода к его изучению.

Изучение буллинга прошло долгий путь от первоначального восприятия его как изолированных инцидентов агрессии до признания буллинга системным явлением, влияющим на психологическое и социальное благополучие индивидов и коллективов, что отражает эволюцию общественного сознания и научного подхода к проблеме.

С течением времени исследования буллинга расширили свои границы, включив в себя изучение кибербуллинга, буллинга на рабочем месте и других форм, данный факт свидетельствует о постоянном развитии и адаптации научного сообщества к меняющимся социальным условиям и технологическому прогрессу. Но практически не изученным продолжает оставаться ситуация травли компаний, организаций, государственных институтов, что открывает важные перспективы для дальнейшего мультидисциплинарного исследования этого феномена, подчеркивая значимость системного подхода в понимание и решение проблемы буллинга.

Категория конфликта и коммуникативной агрессии

Сравнивая и противопоставляя такие понятия, как конфликт и буллинг, авторы исследования «Концепция буллинга на рабочем месте: европейские традиции» формулируют следующее определение: «Буллинг, издевательства – это процесс эскалации, в ходе которого человек, с которым сталкивается, оказывается в неполноценном положении и становится мишенью систематических негативных социальных актов. Конфликт не может быть назван издевательствами, если инцидент является единичным событием или если две стороны примерно одинаковой «силы» находятся в конфликте» [30, С. 15]. Авторы через противопоставление понятий предпринимают попытку унифицировать определение буллинга, выделить его из понятийной массы конфликта.

В рамках социологии конфликта изучаются участники буллинга в индивидуальной и групповой интеракции в соответствии с формулой: агрессор – жертва – наблюдатели. Социология девиантного поведения высвечивает факты «неуставных отношений», нарушение статусной иерархии и общепринятых норм, игнорирование санкций, изучает процессы формирования «правил» травли для успешного манипулирования жертвой и наблюдателями.

Сегодня конфликт в той или иной степени изучают семнадцать дисциплин: военные науки, география, искусствоведение, исторические науки, культурология, медицина, педагогика, политология, правоведение, психология, социобиология, социология, технические и физико-математические науки, филология, философия, экономика. Лидирующее положение занимают психология, социология и политология [2, С. 39].

Процесс формирования конфликтологических идей и концепций имеет многовековую историю. Мыслители и философы предшествующих столетий изучали феномен конфликта, пути его предотвращения и разрешения. Идеи конфликта и согласия, насилия и мира – центральные темы во всех религиях мира. В широком смысле противостояние и противоборство считалось источником всего существующего (Китай, VII–VI вв. до н.э.), борьба противоположностей становится закономерным процессом, рождающим движение вещей и явлений (Гераклит, Древняя Греция, кон. VI – нач. V в. до н.э.). Карл Клаузевиц (1780–1831) определяет природу международного военного конфликта известной формулой: «Война есть продолжение политики другими средствами». Отдельно стоит упомянуть теоретические модели Макса Вебера, где он обосновывал свое мнение о том, что общество состоит из конфликтных социальных групп, и каждая группа защищает свои интересы [6].

В изучении конфликта современной философией можно выделить следующие направления: моральный конфликт в современном обществе с исследованиями более частных тем (нравственные конфликты в педагогическом процессе, в трудовых и воинских коллективах, профессионально-нравственные конфликты); методологические аспекты этнических конфликтов; художественный конфликт как эстетическая категория; социальная концепция социального конфликта.

Буллинг как многовекторная сложная, мультимодальная проблема, в полной мере раскрывается как *реакция на стресс* по Бреславу Г.Э. [5], и еще несколько концепций проливают свет на отличительные признаки явления. В этом ряду *теория социального доминирования* для получения социального статуса и престижа [46] с акцентом на личностные характеристики инициатора буллинга, теория унижения, отражающая модель эмоциональных реакций жертвы буллинга [37], *теория социального капитала*, перекочевавшая в психологию отношений из бизнеса и экономики и объясняющая поведение человека с точки зрения ожидаемых выгод, прибыли, от взаимодействия с другими членами сообщества [36], [44], когда социальные отношения обеспечивают определенным уровнем социального капитала, в соответствии с которым и выстраиваются социальные иерархии, что отражает вертикальную

структуру ситуации буллинга: сильный, обладающий ресурсами буллер унижает, подчиняет и держит в страхе слабую жертву; *теория организационной культуры* возрождает известный тезис «среда воспитывает» [48] и объясняет возникновение ситуации буллинга сложившимися устоями определенных сообществ; *теория познавательного развития*, в свою очередь, объясняет явление буллинга эволюционным путем, как очередного этапа развития и осознания социального превосходства в раннем детстве, в процессе узнавания мира [33].

Несмотря на разные акценты все представленные теории высвечивают и объясняют базовые компоненты буллинга, подчеркивая его сложность, неоднородность и разноплановость, как сам процесс взаимодействия человека с человеком, человеком с группой людей, групп и сообществ, как процесс коммуникации, в которую включены коммуникативные личности, взаимодействующие с субъектами различных социальных структур, в зависимости от этого выдающие стереотипные реакции на ситуацию [11], [26]. С этой точки зрения для нашего исследования важен коммуникативный статус участников ситуации буллинга, где коммуникативные задачи формируются в зависимости от исполняемой роли: генератор, отправитель, транслятор, получатель, распространитель, манипулятор, провокатор, оппонент, информатор, координатор, модератор.

Верификация роли СМИ в появлении и развитии конфликтных ситуаций происходит в процессе анализа инструментария противодействий в информационном поле, когда, как минимум, освещаются противоположные точки зрения, как максимум, дается оценка одной из них, как единственно верной, что чаще всего и наблюдаем в ситуациях буллинга.

«Благодаря информационным технологиям индивидуальное, самостоятельно медиатизированное сознание находится всегда в доступной связи с глобальной сетью. И эта сопряженность разных масштабов отражения действительности является следствием *медиатизации* жизни человека и общества [10, С. 136].

Краткий перечень конфликтного инструментария, создающего смыслообразующие информационные продукты, представлен в учебнике «Медиакоммуникации» следующим образом [25, С. 158-188]:

- 1) дезинформация;
- 2) фейки;
- 3) троллинг;
- 4) коммеморация;
- 5) конспирология;
- 6) информационные войны;
- 7) спецпропаганда;
- 8) лоббизм.

В представленной классификации, на наш взгляд, выделен ряд понятий разного уровня, если пункты с 1 по 5 представляют инструменты конфликтной коммуникации и разъясняют, каким образом выстраивается структура конфликтного текста. То понятия из пунктов 6-8 следует отнести к иному уровню классификации, так как они в большей степени отражают тематические варианты конфликтной коммуникации и могут быть реализованы с помощью инструментов, названных в верхней части списка;

Рассматривая предложенный инструментарий (пп.1-5) в контексте бизнес-буллинга, например, считаем необходимым выделить несколько моментов: дезинформация в той или иной степени регулируется в правовых и нормативных документах, но ее достаточно сложно доказывать, особенно в условиях бизнес-буллинга, когда решения суда выносятся по указаниям, спущенным от инициатора буллинга, а СМИ действуют по трем сценариям: интерпретируют и разжигают версию инициатора, отмалчиваются и кивают наверх, дают сдержанные комментарии и публикуют официальные релизы, согласованные с инициатором/заказчиком. Как правило, фейки не подлежат юридической оценке, с ними борются, систематично разоблачая, объясняя, давая альтернативную информацию. В условиях бизнес-буллинга жертва/цель/мишень могут противостоять фейковой информации только если у них остался в распоряжении хоть какой-то ресурс, позволяющий давать комментарии на системной основе в открытом информационном пространстве. Троллинг носит в большей степени технологический характер, когда масса одинаковых комментариев появляется на различных ресурсах. Прием коммеморации широко используется авторами так называемых журналистских расследований и в публикациях от блогеров, участвующих в информационной атаке, когда применяется выборочное изложение в интересах заказчика. Конспирология в наименьшей степени верифицируется в ситуациях бизнес-буллинга.

Информационные войны, как вид конфликтной коммуникации, часто соотносят с борьбой компаний за товарные рынки: противостояние брендов (Apple и Samsung), противостояние торговых сетей и фармкомпаний, производителей аналогичных товаров и услуг. И здесь следует все-таки говорить о разграничении понятий информационной войны и буллинга по следующему основанию – силовые позиции и статусы противостоящих друг другу сторон: в условиях информационной войны силы противников примерно равны, доступ к ресурсам в наличии, в условиях буллинга в соответствии с верифицирующим признаком этого явления жертва ограничена в ресурсах или лишена их.

Понятие медиакоммуникационного (медийного) конфликта активно используется в научных исследованиях XXI века и определяет ситуацию, «когда медиа выступают инструментом и полем запуска, обострения, ослабления, нейтрализации субъективных представлений о конфликте интересов вне зависимости от их реального присутствия. То есть *медиа либо интерпретируют* существующее положение дел, *либо конструируют* его в соответствии с некоторыми привнесенными установками» [25, С. 158]. Моделируя процесс медиатизации политики, М.Н. Грачев приходит к выводу, что сама по себе медиатизация «провоцирует конфликтные ситуации и приводит к увеличению степени конфликтности социально-политической сферы» [25, С. 158]. Анализ буллинг-ситуаций в различных сферах от межличностных до международных позволяет этот вывод экстраполировать на все сферы, связанные с конфликтами, которые успели выйти в медийное поле. Тем более, что именно медиа «либо интерпретируют, либо конструируют конфликт».

На фоне обострения социально-политической повестки, как на региональном уровне, так и на международном, стремительно развивается лингвистика информационно-психологической войны, объектом изучения которой является язык как средство информационного противоборства.

Почепцов Г.Г. в своих работах отмечает как отличительное свойство современного информационного пространства перенасыщенное использование идеологизированного контента в качестве инструмента манипулятивного воздействия на массовое сознание граждан государств-мишеней, которые стали объектами стратегических программ деструктивного преобразования их национальной идентичности и менталитета через управление мотивацией, изменение категорий мышления, подмену понятий и смену способов поведения с применением методов бихевиоризма [22]. Подхватывая тему речевой агрессии, манипулирующей сознанием населения, исследователи отмечают следующие «отягчающие» обстоятельства актуальной массовой коммуникации: «технологии речевого воздействия в СМИ разработаны настолько, что могут реально управлять сознанием огромного количества людей, воздействуя на аудиторию, создавая отрицательное восприятие фактов, событий, политических деятелей, а также формируя оценки массового сознания. Речевая агрессия манипулирует мыслями и поступками людей, побуждает их к действию, а массы, в свою очередь, как правило, даже не подозревают, что стали объектами манипуляции. При всей своей напускной «невинности» телевизионные новости не только провоцируют реальную жестокость, они учат относиться к ней как к норме: массовое сознание отнюдь не настраивается на борьбу с насилием, а наоборот, начинает воспринимать его как естественный элемент жизни» [15].

Среди методов языкового воздействия на общественное сознание А.А. Данилова выделяет риторику, пропаганду (жесткую и мягкую), языковую демагогию, брейнушинг, суггестию, языковое манипулирование, которое «отличается большей скрытостью, неосознанным для реципиента процессом аргументации, отсутствием явной психологической агрессии, завуалированной нацеленностью на результат воздействия» [9, С. 49].

Исследуя методы психологического воздействия в процессе коммуникации, ученые отмечают в информационном поле четко выраженный тренд на трансформацию ценностных ориентиров общества в целом и журналистов, в частности: «Во многом неуважительное отношение к собеседнику, нарочито назидательный и поучительный характер новостных сообщений возникли со смещением духовно-нравственных ценностей... *Этически недопустимое ранее «стало осознаться огромным числом журналистов как допустимое»* [19].

Основные признаки трансформации контента в условиях цифровой мультимедийности выделяет Коломиец В.П.: графомания, снижение качества текста, появление «пользовательского контента», кастомизация контента, преобладание развлекательной доминанты, сокращение продолжительности контента, мультимизация доставки контента в любом пространстве и в любое время, мгновенность передачи [17, С. 131, 136-137].

Традиционно буллинг (травля) изучается и анализируется как явление из области психологии взаимоотношений. Психосоциальные последствия буллинга, его типологизация и классификация, моделирование ситуаций, изучение вербальных инструментов и техник, определение правовых рисков и построение стратегий профилактики и вмешательства – предмет для изучения не одной, а нескольких наук. Ответы на вопросы лежат на интердисциплинарной границе между педагогикой, психологией, социологией, виктимологией, философией и лингвистикой. Каждая научная дисциплина, в зависимости от угла зрения, специфичного для нее, нуждается в идентификации признаков явления и в определении феномена.

Анализ литературы по нескольким специальностям позволяет сформулировать рабочее определение, которым будем оперировать в дальнейшем: **буллинг (травля) – форма агрессивного поведения**, при котором один индивид или группа индивидов намеренно и систематически причиняют вред или дискомфорт другому индивиду или группе индивидов, это поведение может проявляться в физическом, психологическом, социальном или цифровом пространстве.

Взгляды на конфликт и коммуникативную агрессию развивались на протяжении истории, начиная с античности (Гераклит) и до современности (Бандура, Лоренс): понимание конфликта постоянно эволюционировало, отражая изменения в социальных, политических и культурных контекстах.

Разнообразие теоретических подходов (от философии (Ницше, Гоббс) до социологии (Вебер, Парсонс) и психологии (Бандура)), подчеркивает мультидисциплинарный характер изучения конфликтов и коммуникативной агрессии и указывает на сложность и многоаспектность данных феноменов.

Особое внимание уделяется роли средств массовой информации в появлении и развитии конфликтов. Верификация этой роли подчеркивает: СМИ могут использоваться как инструмент для распространения дезинформации, фейков, троллинга и ведения информационных войн, что усугубляет конфликты и коммуникативную агрессию, раскачивает ситуации буллинга.

Упоминание конфликтного инструментария подтверждает актуальность и важность понимания этих явлений в контексте современных коммуникационных технологий и социальных сетей.

Анализ показывает, что конфликт и коммуникативная агрессия тесно связаны, но не являются взаимозаменяемыми понятиями. Коммуникативная агрессия может быть как следствием конфликта, так и его предшественником, подчеркивая важность разграничения этих категорий в исследованиях.

Всё это подчеркивает сложность и многоаспектность изучения конфликтов и коммуникативной агрессии, акцентирует внимание на необходимости дальнейших исследований в этой области для разработки эффективных стратегий урегулирования и предотвращения конфликтов.

Глубже понять природу буллинга помогает понять философский взгляд на инструментарий буллинга и на трансформацию проблематики в цифровое пространство.

Итальянские ученые Т. Бертолотти и Л. Маньяни выдвинули гипотезу: для того, чтобы разработать эффективные стратегии противодействия буллерам (независимо от сферы деятельности) одних статистических, психологических, социологических исследования недостаточно, необходимо стремиться к глубокому этическому пониманию проблемы,

обращаясь к биологическому и эволюционному прошлому людей, и развивают эволюционную теорию сплетен, наделяя сплетни двойной функцией на раннем этапе эволюции (защита группы от агрессии сильного лидера и запугивание нестабильных участников группы) и объясняя деструктивную динамику современных социальных сетей наличием в их сценариях все тех же сплетен, что позволяет соцсетям реализовывать механизмы кибербуллинга уже на уровне алгоритма [27]. Использование междисциплинарного антропологического подхода позволило переоценить сплетню как инструмент коммуникативной агрессии и перевести ее в категорию социального и политического регулирования, повысив рейтинги в контексте зарождения языка и общественного уклада. Развивая свою теорию, авторы исследования идут от истоков протоморали, которую определяют, как «примитивную аксиологию с набором общих более или менее молчаливых убеждений, одобряющих поведение, приносящее пользу группе, или не одобряющих эгоистичное поведение», к нарастанию враждебности между доминирующими и подчиненными индивидами [27, С. 288]. Таким образом, буллинг через сплетню раскрывается с новой стороны, потому что есть предположение о зарождении ее механизма, изначально диалектического по своей природе и антагонистического, одновременно являющейся инструментом социальной связи и социального дистанцирования, в киберпространстве социальных сетей перерождающийся в деструктивный алгоритм, который может «перевешивать социальные и моральные преимущества соцсетей» [27, С. 296] и постепенно привести человечество к строгому регулированию сетевой коммуникации. Как минимум, авторы предлагают внедрение политики соцсетей, «постепенно ограничивающих использование сетей детьми и подростками, чье чувство моральной динамики, понимание сплетен и пр. еще не полностью сформировалось» [27, С. 296]. И здесь мы подходим к дихотомии между свободой и безопасностью, между свободой и контролем, когда в нашей пограничной реальности между миром реальным и виртуальным свобода информации превратилась в проблему юридическую и политическую. И если межличностный буллинг в большей степени остается на уровне психологии взаимоотношений, не так много людей задумываются над этическими, гносеологическими и праксеологическими аспектами агрессивной коммуникации, то в контексте бизнес-буллинга и политического буллинга вопрос свободы информации, истины и личной безопасности становится всё более актуальным.

Сравнивая философские теории конфликта, А.М. Муслимов особо отмечает: «философы пришли к логичному выводу, что конфликтом можно управлять, т.е. деструктивные функции конфликта можно минимизировать или элиминировать, а конструктивные возможности, наоборот, усилить» [21, С. 47]. На этом основании исследователь приходит к заключению, что в педагогике для разрешения межличностных конфликтов особый интерес представляет именно теория Козера, в силу направленности на достижение согласия между противодействующими сторонами, в т.ч. с участием посредников. При этом особо делается акцент: «только обоюдная активность сторон предполагает завершение всех видов конфликтов. Исключением являются «абсолютные конфликты», цель которых – полное уничтожение противника, а не взаимное урегулирование спора».

С этой точки зрения важным становится оценка целей буллинга как явления противостояния сторон, соответственно и построение стратегий противодействия буллингу, определения роли посредников.

Таким образом, мы видим, теория Льюиса Козера фокусируется на том, что конфликт не всегда деструктивен, а может быть и функциональным, способствуя социальным изменениям и адаптации.

Применительно к буллингу, это может означать, что подобные конфликтные ситуации выявляют проблемные аспекты в социальных структурах разных уровней или в межличностных и групповых взаимодействиях, предоставляя возможность для общественного развития и улучшения отношений между людьми.

Таким образом, в ситуации персонального буллинга в закрытой группе (класс, группа, рабочий коллектив) социальная ячейка может перешагнуть на другой уровень межличностных отношений, разрешив конфликт, в случае вмешательства третьих лиц, выполняющих роль медиатора.

Для ситуации с бизнес-буллингом подобное решение проблемы тоже могло бы стать шагом на новую ступень развития.

Однако для того, чтобы конфликт выполнил такую функцию, необходимо осознанное усилие по его разрешению и поиску конструктивных путей преодоления возникающих препятствий. Часто жертва не знает и не понимает, кто инициатор и заказчик буллинга, с кем выходить на компромисс и что может заинтересовать вторую сторону и мотивировать на поиск компромисса: «абсолютный» конфликт – деструктивен по целям и задачам.

Презентуя работу Г. Йонаса «Принципы ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации», Н.П. Козлова пишет: «все этические построения прошлого, в т.ч. нормативная этика долга, не имели отношения к человеческой жизни в глобальных масштабах» [16, С. 71], моральная оценка поступков давалась в режиме «здесь и сейчас», а Г. Йонас «вводит в этику временной аспект. Перспектива морали направлена на последствия в будущем [16, С. 73].

В свете теории ответственности Ханса Йонаса кибербуллинг предстает как проблема, подчеркивающая необходимость этического отношения к другим в цифровом пространстве. Йонас утверждает, что технологии усиливают нашу способность влиять на других, тем самым увеличивая нашу ответственность за последствия наших действий.

В контексте кибербуллинга это означает, что каждый участник цифрового взаимодействия должен осознавать потенциальный вред своих слов и поступков, стремясь к созданию безопасной и уважительной онлайн среды.

Заключение

Проблема буллинга, с проникновением интернета во все сферы нашей жизни, может приобрести статус чрезвычайно ситуации, когда жертвы, страдающие от физического и морального насилия, могут быть серьезно травмированы, доведены до самоубийства, убиты.

Мультидисциплинарный анализ способствует изучению феномена буллинга, предлагая критический анализ понятий и гипотез, лежащих в основе понимания агрессивного поведения, конфликта и собственно буллинга, выявляя скрытые противоречия и предрассудки.

С философской точки зрения буллинг можно рассматривать через призму различных философских дисциплин и направлений, таких как этика, социальная философия, антропология. В контексте этики буллинг вызывает вопросы о моральной ответственности, свободе воли и добродетели. Социальная философия позволяет рассмотреть буллинг в рамках властных отношений, социальной иерархии и культурных норм. Антропологический подход позволяет проанализировать буллинг как часть человеческого поведения, оценить влияние культурных и социальных факторов на его проявление.

Сущность буллинга раскрывается через анализ его причин и последствий. С одной стороны, буллинг является проявлением власти и доминирования, отражением желания контролировать или унижать себе подобного. С другой стороны, он выступает как симптом более глубоких социальных и психологических проблем, таких как отсутствие эмпатии, низкая оценка и социальная изоляция.

Важно осознавать, что буллинг не является монолитным или изолированным актом, а представляет собой комплексное социальное взаимодействие, корни которого уходят в глубокие эволюционные, биологические и культурные контексты.

Применение философских концепций к анализу буллинга позволяет осмыслить его не только как акт агрессии или социального давления, но и как явление, тесно связанное с вопросами морали, этики, идентичности и коммуникативных процессов в современном обществе. Это подчеркивает значимость разработки комплексных подходов к профилактике и преодолению буллинга, которые учитывают как индивидуальные психологические аспекты, так и широкие социальные и культурные контексты.

Важным аспектом является роль средств массовой информации и цифровых технологий в трансформации и распространении буллинга. Современные коммуникационные среды, такие как социальные сети, создают новые пространства для проявления агрессии и сплетен, что требует развития новых форм цифровой этики и ответственности.

Таким образом, системный анализ буллинга как коммуникативного феномена открывает перспективы для более глубокого понимания механизмов социального взаимодействия и агрессии, а также для разработки эффективных стратегий социальной адаптации и профилактики буллинга. Он подчеркивает необходимость интеграции знаний из различных научных дисциплин и применения комплексного подхода к решению проблемы буллинга в современном обществе.

Благодарности

Автор выражает благодарность сотрудникам кафедры медиалингвистики Санкт-Петербургского государственного университета за консультацию и советы.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Acknowledgement

The author expresses gratitude to the staff of the Department of Media Linguistics of St. Petersburg State University for their advice and advice.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Агрессия у детей и подростков / Под ред. Н.М. Платоновой. — СПб: Речь, 2006. — 336 с.
2. Анцупов А.Я. Конфликтология: учебник для вузов / А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов. — СПб: Питер, 2014. — 512 с.
3. Белеева И.Д. Буллинг как социально-психологическое явление: анализ теоретических подходов и эмпирических исследований / И.Д. Белеева, Т.А. Заглодина, Л.Е. Панкратова [и др.] // Педагогическое образование в России. — 2020. — № 5. — С. 131-136. — DOI: 10.26170/ro20-05-15
4. Бочавер А.А. Буллинг как объект исследования и культурный феномен. Психология / А.А. Бочавер, К.Д. Хломов // Журнал Высшей школы экономики. — 2013. — № 3 (15). — С. 149-159.
5. Бреслав Г.Э. Психологическая коррекция детской и подростковой агрессивности: учеб. Пособие для специалистов и дилетантов / Г.Э. Бреслав. — СПб: Речь, 2007. — 144 с.
6. Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер. — М.: Просвещение, 1990. — 80 с.
7. Голованова Н.А. Проблемы борьбы с буллингом: законодательное решение / Н.А. Голованова // Журнал российского права. — 2018. — № 8(260). — С. 113-123.
8. Голованова Н.А. Новые формы онлайн-преступности за рубежом / Н.А. Голованова // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2019. — № 3. — С. 42-57
9. Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации / А.А. Данилова. — Москва: Добросвет, 2014. — 232 с.
10. Дугин Е.Я. Медиаиндустрия в условиях цифровых трансформаций / Е.Я. Дугин. — Москва: Канон; Реабилитация, 2021. — 416 с.

11. Дускаева Л.Р. Стереотипы речевого поведения в блогосфере сообществ / Л.Р. Дускаева // Управленческое консультирование. — 2011. — № 2. — С. 183-188.
12. Жданова Е.А. Теоретические основы диагностических методик судебного автороведения (на материале письменной межличностной электронной коммуникации) / Е.А. Жданова // Юрислингвистика. — 2019. — № 13. — С. 18-24.
13. Иванюшина В.А. Распространенность буллинга: возрастные и гендерные различия, значимость размеров и типа школы / В.А. Иванюшина, Д.К. Ходоренко, Д.А. Александров // Вопросы образования. — 2021. — № 4. — С. 220-242. — DOI: 10.17323/1814-9545-2021-4-220-242
14. Ильницкий А.С. Криминологические риски интимной коммуникации в сети интернет / А.С. Ильницкий // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2021. — № 9. — С. 106-109.
15. Какимова Д.К. Речевая агрессия как средство манипулирования / Д.К. Какимова, С.Н. Машкова. — 2021. — URL: https://repo.kspri.kz/bitstream/handle/123456789/4047/2021-konf-stud-magistr_407-409.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 06-01-2024).
16. Козлова Н.П. Концепция моральной ответственности в философии г. Йонаса / Н.П. Козлова // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. — 2006. — №2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-moralnoy-otvetstvennosti-v-filosofii-g-yonasa> (дата обращения: 22.01.2024).
17. Коломиец В.П. Медиасоциология: теория и практика / В.П. Коломиец. — М.: НИПКЦ Восход-А, 2014.
18. Курьянович А.В. Правовые аспекты речевого поведения носителей в сфере современной электронно-медийной коммуникации / А.В. Курьянович // Юрислингвистика. — 2015. — № 4(15). — С. 25-32.
19. Майкова С.Е. СМИ в предвыборной кампании: применение методов психологического воздействия / С.Е. Майкова, А.Б. Федорова, Л.П. Шевякова. — М., 2010.
20. Моисеева А.И. О международном опыте преодоления буллинга / А.И. Моисеева // Обзор. НЦПТИ. — 2018. — № 4(15). — С. 30-37
21. Муслимов А.М. Анализ философских теорий конфликта в аспекте их содействия педагогическим исследованиям: проблемы профилактики межличностных конфликтов студентов / А.М. Муслимов // Известия ДГПУ. Психолого-педагогические науки. — 2015. — №3 (32). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-filosofskih-teoriy-konflikta-v-aspekte-ih-sodeystviya-pedagogicheskim-issledovaniyam-problemy-profilaktiki-mezhlichnostnyh> (дата обращения: 22.01.2024).
22. Почепцов Г.Г. Информационные войны / Г.Г. Почепцов. — Москва, 2001. — 576 с.
23. Чернышова Т.В. Медиаатекст и его место в структуре курса «Основы лингвоконфликтологии» / Т.В. Чернышова // Медиалингвистика. — 2017. — №3. — С. 53-63.
24. Чернышова Т.В. Дискредитирующий буллинг в полилогах сетевого общения (на материале лингвоэкспертной практики) / Т.В. Чернышова // Медиалингвистика. — 2022. — № 9(3). — С. 170-189. <https://medialing.ru/diskreditiruyushchij-bulling-v-polilogah-setevogo-obshcheniya-na-materiale-lingvoehkspertnoj-praktiki/> (дата обращения: 01.06.2024).
25. Чумиков А.Н. Медиакоммуникации / А.Н. Чумиков. — Москва: Проспект, 2023.
26. Шалина И.В. Просторечная речевая культура: стереотипы и ценности / И.В. Шалина // Известия Уральского государственного университета. — 2005. — №35. — С. 203-216
27. Bertolotti T. A philosophical and evolutionary approach to cyber-bullying: social networks and the disruption of sub-moralities / T. Bertolotti, L. Magnani // Ethics and Information Technology. — 2013. — № 15(4). — P. 285-299.
28. Bhowmick R.S. A multimodal deep framework for derogatory social media post identification of a recognized person / R.S. Bhowmick, I. Ganguli, J. Paul [et al.] // Transactions on Asian and Low-Resource Language Information Processing. — 2021. — Vol. 21. — № 1. — P. 1-19. — URL: https://www.researchgate.net/profile/Rajat-Bhowmick-3/publication/356412197_A_Multimodal_Deep_Framework_for_Derogatory_Social_Media_Post_Identification_of_a_Recognized_Person/links/6243df8b57084c718b75d9ca/A-Multimodal-Deep-Framework-for-Derogatory-Social-Media-Post-Identification-of-a-Recognized-Person.pdf (accessed: 01.06.2024).
29. Bunnett E.R. Bullying in pre-adolescents: prevalence, emotional intelligence, aggression, and resilience / E.R. Bunnett // Issues in Educational Research. — 2021. — № 31(4). — P. 1049-1066. — URL: <https://iier.org.au/iier31/bunnett.pdf> (accessed: 01.06.2024)
30. Einarsen S. The concept of bullying at work: The European tradition / S. Einarsen, H. Hoel, D. Zapf [et al.] // Bullying and emotional abuse in the workplace. International perspectives in research and practice — 2003.
31. Фролова М. По ключевым словам: в России создали программу для выявления травли в сети / М. Фролова. — URL: <https://iz.ru/1127203/mariia-frolova/po-kliuchevym-slovam-v-rossii-sozdali-programmu-dlia-vyivleniia-travli-v-seti> (дата обращения: 01.06.2024).
32. Haynes J. Judicial approaches to combating “revenge porn”: a multi-jurisdictional perspective / J. Haynes // Commonwealth Law Bulletin. — 2018. — № 44(3). — P. 400-428. — DOI: 10.1080/03050718.2019.1635034
33. Hawley P.H. The ontogenesis of social dominance: A strategy based evolutionary perspective / P.H. Hawley // Developmental Review. — 1999. — Vol. 19. — P. 97-132.
34. Hoel H. Organizational effects of workplace bullying / H. Hoel, C.L. Cooper, S.V. Einarsen // Bullying and harassment in the workplace. — 2020. — P. 209-234. — URL: https://ebrary.net/131638/psychology/organizational_effects_workplace_bullying (et al: 01.06.2024).
35. Langlois G. Economies of reputation: the case of revenge porn / G. Langlois, A. Slane // Communication and Critical/Cultural Studies. — 2017. — № 14(2). — P. 120-138. — DOI: 10.1080/14791420.2016.1273534

36. Lin N. Social capital: A theory of social structure and action / N. Lin. — New York: Cambridge University Press, 2001. — 267 p.
37. Lindner E.G. The theory of humiliation: A Summary / E.G. Lindner // *Human Dignity and Humiliation Studies*. — 2003. — 56 p.
38. Mckinlay T. Why did she send it in the first place? Victim blame in the context of “revenge porn” / T. Mckinlay, T. Lavis // *Psychiatry, Psychology and Law*. — 2020 — P. 1-11. — DOI:10.1080/13218719.2020.1734977
39. Murshed B.A.H. DEA-RNN: a hybrid deep learning approach for cyberbullying detection in Twitter social media platform / B.A.H. Murshed, J. Abawajy, S. Mallappa [et al.] // *IEEE Access*. — 2022. — Vol. 10. — P. 25857-25871. — URL: <https://ieeexplore.ieee.org/stamp/stamp.jsp?arnumber=9718597> (accessed: 01.06.2024).
40. Ncube G. Discrimination against female politicians on social media: an analysis of tweets in the run-up to the July 2018 Harmonised Elections in Zimbabwe / G. Ncube, G. Yemurai // *Social Media and Elections in Africa*. — 2020. — Vol. 2. — P. 59-76. — URL: <https://clck.ru/37XnaQ> (accessed: 01.06.2024).
41. Park H. External whistleblowers' experiences of workplace bullying by superiors and colleagues / H. Park, B. Bjorkelo, J. Blenkinsopp // *Journal of Business Ethics*. — 2020. — Vol. 161. — P. 591-601. — URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10551-018-3936-9> (accessed: 01.06.2024).
42. Pavón-Benítez L. In my village everything is known”: sexting and revenge porn in young people from rural Spain / L. Pavón-Benítez, N. Romo-Avilés, G. Tarancón // *Feminist Media Studies*. — 2021 — P. 1- 17. — DOI: 10.1080/14680777.2021.1935290
43. Fale P.N. A hybrid deep learning approach for abusive text detection / P.N. Fale, K.K. Goyal, Shivani // *AIP Conference Proceedings*. — 2023. — № 2753 (1). — P. 030008. — DOI: 10.1063/5.0128071
44. Putnam R. Bowling alone: America's decline in social capital / R. Putnam // *Journal of Democracy*. — 1995. — Vol. 6. — P. 65-78. — DOI: 10.1353/jod.1995.0002.
45. Serpe C. The Objectification and Blame of Sexually Diverse Women who are Revenge Porn Victims / C. Serpe, C. Brown // *Journal of Gay & Lesbian Social Services*. — 2021. — P. 1-23. — DOI: 10.1080/10538720.2021.1911901
46. Sidanius J. Social dominance: An intergroup theory of social hierarchy and oppression / J. Sidanius, F. Pratto. — Cambridge University Press, 1999. — DOI: 10.1017/CBO9781139175043
47. Shablysty V. Social and legal nature of bullying / V. Shablysty, S. Obrusna, Y. Levchenko [et al.] // *Amazonia Investiga*. — 2021. Vol. 10. — № 37. — P. 78-85. — URL: <https://amazoniainvestiga.info/index.php/amazonia/article/download/1522/1496> (accessed: 01.06.2024).
48. Subedi K.K.P. Theoretical perspective of bullying / K.K.P. Subedi // *Int J Health*. — 2020. — Vol. 10. — № 8. — P. 83-89. https://www.ijhsr.org/IJHSR_Vol.10_Issue.8_Aug2020/14.pdf (accessed: 01.06.2024).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Agressija u detej i podrostrkov [Aggression in children and adolescents] / Ed. by N.M. Platonova. — SPb: Rech', 2006. — 336 p. [in Russian]
2. Ancupov A.Ja. Konfliktologija: uchebnik dlja vuzov [Conflictology: textbook for universities] / A.Ja. Ancupov, A.I. Shipilov. — SPb: Piter, 2014. — 512 p. [in Russian]
3. Beleeva I.D. Bulling kak social'no-psihologicheskoe javlenie: analiz teoreticheskikh podhodov i jempiricheskikh issledovanij [Bullying as a socio-psychological phenomenon: analysis of theoretical approaches and empirical studies] / I.D. Beleeva, T.A. Zaglodina, L.E. Pankratova [et al.] // *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii [Pedagogical Education in Russia]*. — 2020. — № 5. — P. 131-136. — DOI: 10.26170/po20-05-15 [in Russian]
4. Bochaver A.A. Bulling kak ob#ekt issledovanija i kul'turnyj fenomen. Psihologija [Bullying as an object of research and cultural phenomenon. Psychology] / A.A. Bochaver, K.D. Hlomov // *Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki [Journal of the Higher School of Economics]*. — 2013. — № 3 (15). — P. 149-159. [in Russian]
5. Breslav G.Je. Psihologicheskaja korekcija detskoj i podrostrkovoj agressivnosti: uceb. Posobie dlja specialistov i diletantov [Psychological correction of child and adolescent aggression: manual for specialists and laymen] / G.Je. Breslav. — SPb: Rech', 2007. — 144 p. [in Russian]
6. Veber M. Izbrannye proizvedenija [Selected Works] / M. Veber. — M.: Prosveshhenie, 1990. — 80 p. [in Russian]
7. Golovanova N.A. Problemy bor'by s bullingom: zakonodatel'noe reshenie [Problems of combating bullying: legislative solution] / N.A. Golovanova // *Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law]*. — 2018. — № 8(260). — P. 113-123. [in Russian]
8. Golovanova N.A. Novye formy onlajn-prestupnosti za rubezhom [New forms of online crime abroad] / N.A. Golovanova // *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law]*. — 2019. — № 3. — P. 42-57 [in Russian]
9. Danilova A.A. Manipulirovanie slovom v sredstvah massovoj informacii [Manipulation of words in the media] / A.A. Danilova. — Moscow: Dobrosvet, 2014. — 232 p. [in Russian]
10. Dugin E.Ja. Mediaindustrija v uslovijah cifrovih transformacij [Media industry in the context of digital transformation] / E.Ja. Dugin. — Moscow: Kanon; Reabilitacija, 2021. — 416 p. [in Russian]
11. Duskaeva L.R. Stereotipy rechevogo povedenija v blogosfere soobshhestv [Stereotypes of speech behaviour in blogosphere communities] / L.R. Duskaeva // *Upravlencheskoe konsul'tirovanie [Management Consulting]*. — 2011. — № 2. — P. 183-188. [in Russian]
12. Zhdanova E.A. Teoreticheskie osnovy diagnosticheskikh metodik sudebnogo avtorovedenija (na materiale pis'mennoj mezhlichnostnoj jelektronnoj kommunikacii) [Theoretical bases of diagnostic techniques of forensic authorship (on the material of written interpersonal electronic communication)] / E.A. Zhdanova // *Jurislingvistika [Legal Linguistics]*. — 2019. — № 13. — P. 18-24. [in Russian]

13. Ivanjushina V.A. Rasprostranennost' bullinga: vozrastnye i gendernye razlichija, znachimost' razmerov i tipa shkoly [Prevalence of bullying: age and gender differences, the importance of school size and type] / V.A. Ivanjushina, D.K. Hodorenko, D.A. Aleksandrov // *Educational Studies Moscow*. — 2021. — № 4. — S. 220-242. — DOI: 10.17323/1814-9545-2021-4-220-242 [in Russian]
14. Il'nickij A.S. Kriminologicheskie riski intimnoj kommunikacii v seti internet [Criminological risks of intimate communication on the Internet] / A.S. Il'nickij // *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences]. — 2021. — № 9. — P. 106-109. [in Russian]
15. Kakimova D.K. Rehevaja agressija kak sredstvo manipulirovanija [Speech aggression as a means of manipulation] / D.K. Kakimova, S.N. Mashkova. — 2021. — URL: https://repo.kspi.kz/bitstream/handle/123456789/4047/2021-konf-stud-magistr_407-409.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed: 06-01-2024). [in Russian]
16. Kozlova N.P. Konceptija moral'noj otvetstvennosti v filosofii g. Jonasa [The concept of moral responsibility in the philosophy of Mr Jonas] / N.P. Kozlova // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 7. Filosofija* [Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy]. — 2006. — №2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-moralnoy-otvetstvennosti-v-filosofii-g-yonasa> (accessed: 22.01.2024). [in Russian]
17. Kolomic V.P. Mediasociologija: teorija i praktika [Mediasociology: Theory and Practice] / V.P. Kolomic. — M.: NPKC Voshod-A, 2014. [in Russian]
18. Kur'janovich A.V. Pravovye aspekty rechevogo povedenija nositelej v sfere sovremennoj jelektronno-medijnoj kommunikacii [Legal aspects of speech behaviour of speakers in the sphere of modern electronic-media communication] / A.V. Kur'janovich // *Jurislingvistika* [Legal Linguistics]. — 2015. — № 4(15). — P. 25-32. [in Russian]
19. Maikova S.E. SMI v predvybornoj kampanii: primenenie metodov psihologicheskogo vozdejstvija [Media in the pre-election campaign: application of methods of psychological influence] / S.E. Maikova, A.B. Fedorova, L.P. Shevjakova. — M., 2010. [in Russian]
20. Moiseeva A.I. O mezhdunarodnom opyte preodolenija bullinga [On the international experience of overcoming bullying] / A.I. Moiseeva // *Obzor. NCPTI* [Review. NCPTI]. — 2018. — № 4(15). — P. 30-37 [in Russian]
21. Muslimov A.M. Analiz filosofskih teorij konflikta v aspekte ih sodejstvija pedagogicheskim issledovaniyam: problemy profilaktiki mezhlchnostnyh konfliktov studentov [Analysis of philosophical theories of conflict in the aspect of their assistance to pedagogical research: problems of prevention of interpersonal conflicts of student] / A.M. Muslimov // *Izvestija DGPU. Psihologo-pedagogicheskie nauki* [Proceedings of DSPU. Psychological and pedagogical sciences]. — 2015. — №3 (32). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-filosofskih-teorij-konflikta-v-aspekte-ih-sodeystviya-pedagogicheskim-issledovaniyam-problemy-profilaktiki-mezhlchnostnyh> (accessed: 22.01.2024). [in Russian]
22. Pohepcov G.G. Informacionnye vojny [Information wars] / G.G. Pohepcov. — Moscow, 2001. — 576 p. [in Russian]
23. Chernyshova T.V. Mediatekst i ego mesto v strukture kursa «Osnovy lingvokonfliktologii» [Mediatext and its place in the structure of the course "Fundamentals of Linguoconflictology"] / T.V. Chernyshova // *Medialingvistika* [Medialinguistics]. — 2017. — №3. — P. 53-63. [in Russian]
24. Chernyshova T.V. Diskreditirujushhij bulling v polilogah setevogo obshhenija (na materiale lingvoekspertnoj praktiki) [Discrediting bullying in polylogues of network communication (on the material of linguo-expert practice)] / T.V. Chernyshova // *Medialingvistika* [Medialinguistics]. — 2022. — № 9(3). — S. 170-189. <https://medialing.ru/diskreditiruyushhij-bulling-v-polilogah-setevogo-obshcheniya-na-materiale-lingvoekspertnoj-praktiki/> (accessed: 01.06.2024). [in Russian]
25. Chumikov A.N. Mediakommunikacii [Media communications] / A.N. Chumikov. — Moscow: Prospekt, 2023. [in Russian]
26. Shalina I.V. Prostorechnaja rehevaja kul'tura: stereotipy i cennosti [Prostoric speech culture: stereotypes and values] / I.V. Shalina // *Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Ural State University]. — 2005. — №35. — P. 203-216 [in Russian]
27. Bertolotti T. A philosophical and evolutionary approach to cyber-bullying: social networks and the disruption of sub-moralities / T. Bertolotti, L. Magnani // *Ethics and Information Technology*. — 2013. — № 15(4). — P. 285-299.
28. Bhowmick R.S. A multimodal deep framework for derogatory social media post identification of a recognized person / R.S. Bhowmick, I. Ganguli, J. Paul [et al.] // *Transactions on Asian and Low-Resource Language Information Processing*. — 2021. — Vol. 21. — № 1. — P. 1-19. — URL: https://www.researchgate.net/profile/Rajat-Bhowmick-3/publication/356412197_A_Multimodal_Deep_Framework_for_Derogatory_Social_Media_Post_Identification_of_a_Recognized_Person/links/6243df8b57084c718b75d9ca/A-Multimodal-Deep-Framework-for-Derogatory-Social-Media-Post-Identification-of-a-Recognized-Person.pdf (accessed: 01.06.2024).
29. Bunnnett E.R. Bullying in pre-adolescents: prevalence, emotional intelligence, aggression, and resilience / E.R. Bunnnett // *Issues in Educational Research*. — 2021. — № 31(4). — P. 1049-1066. — URL: <https://iier.org.au/iier31/bunnnett.pdf> (accessed: 01.06.2024)
30. Einarsen S. The concept of bullying at work: The European tradition / S. Einarsen, H. Hoel, D. Zapf [et al.] // *Bullying and emotional abuse in the workplace. International perspectives in research and practice* — 2003.
31. Frolova M. Po ključevym slovam: v Rossii sozdali programmu dlja vyjavlenija travli v seti [Keywords: Russia has created a programme to detect online bullying] / M. Frolova. — URL: <https://iz.ru/1127203/mariia-frolova/po-ključevym-slovam-v-rossii-sozdali-programmu-dlia-vyjavleniia-travli-v-seti> (accessed: 01.06.2024). [in Russian]
32. Haynes J. Judicial approaches to combating “revenge porn”: a multi-jurisdictional perspective / J. Haynes // *Commonwealth Law Bulletin*. — 2018. — № 44(3). — P. 400-428. — DOI: 10.1080/03050718.2019.1635034

33. Hawley P.H. The ontogenesis of social dominance: A strategy based evolutionary perspective / P.H. Hawley // *Developmental Review*. — 1999. — Vol. 19. — P. 97-132.
34. Hoel H. Organizational effects of workplace bullying / H. Hoel, C.L. Cooper, S.V. Einarsen // *Bullying and harassment in the workplace*. — 2020. — P. 209-234. — URL: https://ebrary.net/131638/psychology/organizational_effects_workplace_bullying (et al: 01.06.2024).
35. Langlois G. Economies of reputation: the case of revenge porn / G. Langlois, A. Slane // *Communication and Critical/Cultural Studies*. — 2017. — № 14(2). — P. 120-138. — DOI: 10.1080/14791420.2016.1273534
36. Lin N. Social capital: A theory of social structure and action / N. Lin. — New York: Cambridge University Press, 2001. — 267 p.
37. Lindner E.G. The theory of humiliation: A Summary / E.G. Lindner // *Human Dignity and Humiliation Studies*. — 2003. — 56 p.
38. Mckinlay T. Why did she send it in the first place? Victim blame in the context of “revenge porn” / T. Mckinlay, T. Lavis // *Psychiatry, Psychology and Law*. — 2020 — P. 1-11. — DOI:10.1080/13218719.2020.1734977
39. Murshed B.A.H. DEA-RNN: a hybrid deep learning approach for cyberbullying detection in Twitter social media platform / B.A.H. Murshed, J. Abawajy, S. Mallappa [et al.] // *IEEE Access*. — 2022. — Vol. 10. — P. 25857-25871. — URL: <https://ieeexplore.ieee.org/stamp/stamp.jsp?arnumber=9718597> (accessed: 01.06.2024).
40. Ncube G. Discrimination against female politicians on social media: an analysis of tweets in the run-up to the July 2018 Harmonised Elections in Zimbabwe / G. Ncube, G. Yemurai // *Social Media and Elections in Africa*. — 2020. — Vol. 2. — P. 59-76. — URL: <https://clck.ru/37XnaQ> (accessed: 01.06.2024).
41. Park H. External whistleblowers' experiences of workplace bullying by superiors and colleagues / H. Park, B. Bjorkelo, J. Blenkinsopp // *Journal of Business Ethics*. — 2020. — Vol. 161. — P. 591-601. — URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10551-018-3936-9> (accessed: 01.06.2024).
42. Pavón-Benítez L. In my village everything is known”: sexting and revenge porn in young people from rural Spain / L. Pavón-Benítez, N. Romo-Avilés, G. Tarancón // *Feminist Media Studies*. — 2021 — P. 1- 17. — DOI: 10.1080/14680777.2021.1935290
43. Fale P.N. A hybrid deep learning approach for abusive text detection / P.N. Fale, K.K. Goyal, Shivani // *AIP Conference Proceedings*. — 2023. — № 2753 (1). — P. 030008. — DOI: 10.1063/5.0128071
44. Putnam R. Bowling alone: America's decline in social capital / R. Putnam // *Journal of Democracy*. — 1995. — Vol. 6. — P. 65-78. — DOI: 10.1353/jod.1995.0002.
45. Serpe C. The Objectification and Blame of Sexually Diverse Women who are Revenge Porn Victims / C. Serpe, C. Brown // *Journal of Gay & Lesbian Social Services*. — 2021. — P. 1-23. — DOI: 10.1080/10538720.2021.1911901
46. Sidanius J. Social dominance: An intergroup theory of social hierarchy and oppression / J. Sidanius, F. Pratto. — Cambridge University Press, 1999. — DOI: 10.1017/CBO9781139175043
47. Shablysty V. Social and legal nature of bullying / V. Shablysty, S. Obrusna, Y. Levchenko [et al.] // *Amazonia Investiga*. — 2021. Vol. 10. — № 37. — P. 78-85. — URL: <https://amazoniainvestiga.info/index.php/amazonia/article/download/1522/1496> (accessed: 01.06.2024).
48. Subedi K.K.P. Theoretical perspective of bullying / K.K.P. Subedi // *Int J Health*. — 2020. — Vol. 10. — № 8. — P. 83-89. https://www.ijhsr.org/IJHSR_Vol.10_Issue.8_Aug2020/14.pdf (accessed: 01.06.2024).